

Дорогой Коба,

1

Пишу после того, как прочитал решение о составе ред.комиссии. Изю всех фактов, касающихся так или иначе моей личности, а именно

- 1) из того, что в редакции "Известий", несмотря на все мои апелляции, писать мне фактически не было разрешено, да и другие функции запирались на замок;
- 2) из опубликованной в "Правде", в отношении меня неверной и глубоко задевающей мою политическую честь заметки о делах в Акад.Наук (на основании коей заметки ряд иностранных газет уже пишут о моем аресте);
- 3) из формулы в одной статье "Правды" о правых, бывших в руководстве, как о "лютых врагах народа";
- 4) из самого факта невведения меня в состав редакц. комиссии по Конституции и т.д. -

Я не могу не сделать вывода о предстоящем моем снятии с "Известий" и - что является самым главным и самым существенным - о существующем касательно меня недоверии у руководства партии.

2.

Я прилагал и ранее все усилия к тому, чтобы мне было сказано, в чем же состоят основания для такого недоверия уже после того, как было сделано известное заявление со стороны прокуратуры. Я умолял тебя принять меня и допросить лично, я просил о том, чтобы мне рассказали, в чем же состоят основы для недоверия, я считал это своим элементарным правом. Но я

и по сей день в полном неведении, что же мне инкриминируется или полуинкриминируется. При единственном серьезном разговоре (еще до заявления прокуратуры, непосредственно в ночь после очной ставки с Сокольниковым, где Сокольников пред'являл мне свои гнусные обвинения только с чужих слов, со слов лиц, уже не существовавших к тому времени) я мог уловить такую ноту, что я "возможно, дал повод" мерзавцам думать, будто я вроде как бы с ними. На мои вопросы, в чем же состоят эти "поводы", мне не было дано никакого точного ответа. Тов. Д.М.Каганович проронил слова "Но Вы все же ответственны за своих людей", на что я отвечал: "да, за время моей действительной оппозиции 28/29 г.г., и только". Ибо вот уж сколько времени, как никаких "моих людей" в природе даже не существует. Перед уходом тов. Н.И.Ежов сказал мне: "Да, вот еще: кто у тебя заведывал иностр.отделом"? Я отвечаю: "Радек". "А ты ничего не контролировал": Я ответил, что это не совсем так, но что я, действительно, делал не раз орг.уступки Радеку.

Вот и все мои сведения о "поводах".

3.

Я прошу понять, что все это мучает меня не с точки зрения всяких оргвыводов "мест" и "положении". Я бывал в разных переделках. Но то, что приходится испытывать теперь, есть не что иное, как перманентная моральная казнь. Человеку, для которого вся жизнь в служении движению, создается чуть ли не репутация врага; человеку, который предан партии до последней капли крови, приходится бояться, как затравленному, косых взглядов товарищей; человек, который радуется

всем существом широким путям и перспективам, - вынужден жить в атмосфере недоверия и подозрений, тогда как самая мысль об этом кажется ему чудовищным, смертельным оскорблением.

Эта перманентная моральная казнь должна иметь какие-то пределы.

4.

Лишенный каких бы то ни было сведений о конкретном характере оснований для недоверия (за исключением тех обрывочных мыслей, о которых речь шла выше), я должен сам что-то конструировать, как возможное.

Тут могут быть три возможные линии: 1) последствия 1928/29 гг., связанные с "молодежью" (Слепков и др.); 2) Академия Наук в связи с арестами в ней; 3) ред. "Известий" в связи с арестами. По поводу всех этих трех линий я и хочу сказать несколько слов.

Я не отрицал и не отрицаю своей тяжелой вины в 1928/29 г.г., но мои тогдашние поступки ничего общего не имели с подлой специфической тактикой троцкистов.

Однако, с тех пор, как я сделал свои заявления о признании своих ошибок (последнее - об "организованном капитализме" - было, если не ошибаюсь, зимой 1930 г.) я никакой борьбы с партией не вел, а, наоборот, всюду защищал политику партии. Быть может, я виновен в том, что в период 1930 и 1931 г.г. я недостаточно решительно рубил прежние личные связи. Внутри у меня, при полном согласии с линией партии, в этот период была не совсем полная ясность в вопросе о стимулах в земледелии. С подготовкой законов 1932 г. она перешла в полную ясность.

Будущего контр-революционного "развития" группы молодых я не мог предполагать. Вспоминаю, например, что последний разговор со Слепковым, по приезде его из Самары, был тот, что я настаивал на полной безоговорочной партийной линии, и что он со мной соглашался. Что случилось потом, кто их сбил, как дело пошло дальше по другим путям, я совершенно не знаю, ответственности за это нести не могу (арест их был, если не ошибаюсь, летом 1932г.), и поэтому вся их "история", начиная с пресловутой "конференции", явилась для меня полной неожиданностью. Тогда я заклеил их поведение, и они перестали для меня существовать.

В Академии Наук, как и в Комиссариате у Серго, я вел очень большую работу по сплочению квалифицированной интеллигенции вокруг партии, и - смею думать - не без успеха. Организационными делами я в Академии занимался немного. Еще до моего прихода в Академию там был ряд лиц, арестованных ныне (Бусыгин, Яковлев). Бывшая оппозиционная публика толкалась и на квартире у тогдашнего управдела С.Б.Волынского (прекрасного чекиста), и в общежитии (где никакой "бухаринской половины" не существовало, вопреки заметке в "Правде"). Но я думал, что тов.Волынский нарочно держит всех около себя, чтобы лучше наблюдать. Поэтому с этой стороны у меня не было беспокойства, и я считал, что на лицо прочная чекистская гарантия. Я встречался с рядом арестованных теперь лиц, как с работниками Академии и партийцами. Мне и в голову не приходило, что они - конспираторы, да еще такого гнусного типа. В своем институте (по истории науки и техники) я прозевал

нескольких людей (я писал об этом подробно), но я с возмущением отвергаю всякую "догадку" о том, будто я их нарочно "собирал". Это - гнусная клевета и она останется клеветой, откуда бы она не исходила.

Я не раз, вероятно, ругался в связи с рядом эксцессов на некоторых участках идеологического фронта (диалектика в производстве гайки, "цитатное хозяйство", наездничество и т.д.). Но я всегда при этом говорил, что это пройдет, что процесс оздоровления неизбежен, и никак не связывал эксцессов комчванства с партийной линией. На этот счет у меня есть достаточно авторитетные свидетели.

Я могу признать, что я (как и все прочие в Акад.Наук) оказался недостаточно прозорливым. Но я всемерно и решительно протестую против всех и всяких, хотя бы малейших, подозрений о какой бы то ни было близости к подпольной идеологии и деятельности фашистских негодяев.

6.

Ред. "Известий". Мне делались (на одном из партсобраний) упреки в том, что у нас работал Радек. Но как я мог что-либо предполагать о Радеке? Наоборот, я прямо скажу: я видел, что ему доверяет руководство партии и верил Радеку. Радек был, как известно, в "Известиях" до моего туда назначения. До моего туда назначения там работал (всего чуть ли не 10 лет!) и Лям.

Я за Ляма очень держался: он был отличный газетчик:

Но уж что-что, а предполагать за ним троцкизм у меня не было никаких оснований (ряд зиновьевцев мы выгнали без всяких разговоров). Что по складу своему он не мог быть героем коммунизма, это я видел. Но не все - герои. Поэтому я

мог здесь ошибиться, добросовестно заблуждаться, как и все прочие, знавшие Ляма гораздо более длительные сроки. Арестованный Фин был задолго до моего назначения. В Иноотделе я хотел прогнать немца Гауса (хотя он и работал одно время в разведупре) после того, как поймал его на одной недобросовестно составленной статье, но не придавал этой статье особо большого значения и не хотел злить Радека, с которым были постоянные скандалы. Я отпустил из редакции Раевского, о котором плохого мнения был тов. Артузов. Однако, я признаю, что иноотдел почти целиком отдал Радеку, ибо не хотел его терять, а сам ему по большому доверял (отдел он вел в общем хорошо, получал часто основные директивы непосредственно от партруководства и т.д.).

За "Известия" я взялся с большой радостью и с большой горячностью. Все помнят, что лицо газеты преобразилось. Я старался тогда привлечь по возможности большее число талантливых людей, может быть, слишком гоняясь за ними. Но я всегда запрашивал об этом партруководство (и о Сосновском, восстановленном тогда в партии постановлением П.Б., и о Деборине, и о других). Деборина я хорошо знал по работе, знал, что он всего на свете боится (когда-то я разыскивал его через органы МУУР"а: он хотел кончить самоубийством, оставил записку уже, но его нашли на снегу); я знал, однако, что он большой эрудит, человек огромных знаний, отнюдь не оппозиционный. Сосновского я думал окончательно политически "вылечить" Кобардой. Словом, я старался газету сделать живой, интересной, острой.

Если теперь обнаружилась засоренность аппарата (вероятно, не большая, чем, напр., в "ЗИ"), то я виновен в недостаточной

бдительности и прозорливости. Но я считаю просто чудовищным и оскорбительным всякое обвинение в искусственном подборе "сора" и в какой бы то ни было близости с ним, как с "сором".

7.

Я прекрасно понимаю всю тяжесть и трудность создавшегося положения, когда большие, невиданные еще, негодяи отравили всю атмосферу и создали необходимость громадного (спасительного!) недоверия. Я понимаю, что перед вами прошли десятки писем, аргументов, сцен, клятв - и все оказалось театром и ложью. Но из того, что другие лгали, не следует, что я тоже лгу, и уж никак не следует, что я должен молчать. Я головой буду биться об стену, но буду защищать свою политическую честь. Поэтому я и пишу тебе сейчас еще раз. Не верьте клеветникам! Не верьте моим ненавистникам! Не верьте подручным Каменевых!

Сейчас стена возникла между тобой - партруководство и мной: я не могу говорить с тобой прямо и без посредников, как в былые времена. Насильно мил не будешь. Но я бьюсь через эту стену, пока не потеряю последних сил. Тов.Ежов меня после телеф.разговора и обещания вызвать, не вызвал. Я ему написал письмо. Ответа не получил.

Н.Бухарин.

Р.с. Я сейчас нервно болен в крайней степени, больше декады не хожу в редакцию, лежу в постели, разбитый до основания. Был только на твоём докладе. Разумеется, для всяких объяснений притащусь, куда укажут. Публично говорить был не в силах. Это - мучительная пытка, а не жизнь. В такое время! С такой любовью к делу!